

The book cover features a large, glowing full moon in the upper left quadrant against a dark, starry night sky. On the right side, a young man with dark hair is shown in profile, looking towards the viewer with a serious expression, his hand partially covering his face. The title 'ВНУК ВЕДЬМЫ' is written in a large, bold, orange-yellow font with a distressed, cracked texture. Below the title is a decorative horizontal line with a central floral or star-like motif. At the bottom, the author's name 'НАТАША ЭВС' is written in a clean, white, sans-serif font.

ВНУК ВЕДЬМЫ

НАТАША ЭВС

16+

Наташа Эвс

Внук ведьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57561278

SelfPub; 2023

Аннотация

Знакомство с внуком местной ведьмы переворачивает жизнь старшеклассника Леонида Сорокина с ног на голову. А разговор с самой ведьмой Агафьей Подгорной раскрывает шокирующие тайны прошлого и открывает для Леонида дверь в потусторонний мир, где Лёня оказывается другим человеком. Книга «Внук ведьмы» попала в шорт-лист специальной номинации «Фэнтези. Нереальная Реальность» премии Электронная Буква-21.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	5
Глава 2. Байки у костра	17
Глава 3. Тайное происшествие	34
Глава 4. В гости к ведьме	51
Глава 5. Чертов угол	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наташа Эвс

Внук ведьмы

Пролог

*Мы не можем судить
И не верить не можем,
Кому трудный путь выбран,
Кому-то – покой.
Каждый, встретивший нас,
Он не просто прохожий,
Каждый, встретивший нас,
Послан свыше судьбой*

Мы не знаем, как это произошло. В школе нас учили другим законам физики, и здравый рассудок говорит, что такой случай похож на помешательство. Но ведь с ума сходят поодиночке, а нас, свидетелей, было четверо. И я, Леонид Сорокин, семнадцати лет отроду, без одного года золотой выпускник школы и вроде бы не глупый человек, вынужден признать: с нами произошло реальное событие. И это событие потянуло за собой целую цепь тайн прошлого, которые до этого времени считались похороненными под тяжестью лет.

Часть первая

Глава 1. Дом на окраине

Мы радовались, как дети. Конец мая для школьников самое желаемое время. Анька Мазурина, девчонка вредная, но красивая, уже начала ярче красить губы и перестала собирать копну своих длинных русых волос резинкой, отчего становилась похожа на какую-то модель с постеров. Анька училась классом младше, вместе с Виктором Симоновым, моим другом детства. Мы дружили, кажется, с пеленок, и девчонка появилась в нашей компании только потому, что вела себя как пацан: бегала в шортах с деревянным автоматом, гоняла с нами на велике и презирала девчачьи собирушки. Нам было хорошо вместе.

Пока мы не выросли.

Наш в доску пацан Анька превратилась в красивую девушку Анну, за которой стала ухлестывать половина старшеклассников школы, но Аня по инерции вела себя невозмутимо и грубовато, наверное, потому что не знала, как в таких случаях поступают.

А еще Анна нравилась Кириллу Потапову, накаченному здоровому парню классом старше. Давно нравилась. Прямо с детства.

Кирилл угрюмо бродил рядом со своей музой, особо себя

не проявляя, потому что знал: Аньке палец в рот не клади, откусит и костью не подавится.

Так Потап, как мы его называли, затесался в нашу уютную компанию, вроде как ожидая смягчения сердца нашей блондинки.

– Может, на пруд сходим? – предложил Виктор, спустившись по ступенькам школы и зашвырнув скрученную в трубочку тетрадь в ближайшие кусты.

– Тебе еще экзамены сдавать, – заметила Анька.

– Как и тебе, – хмыкнул в ответ мой друг. – Я же не выпускаюсь, мне фиолетово.

– И как тебе это удастся? – махнул головой Кирилл. – И хорошо учиться, и хорошо гулять? Всесторонне развитый ты наш.

– Он все сдаст, – подтвердил я, хлопнув друга по плечу. – Виктор на все руки мастер.

– Так что насчет пруда? – напомнил виновник разговора. – Идем? Лето, друзья! Каникулы! Старт! Очнитесь уже.

– Это тот, что через дорогу от Агафьи? – сморщилась Анька. – Да ну. Еще приколдует в окно, а потом никто не узнает, почему мы потонули.

– И наши стеклянные лица в мутной воде будут вылавливать водолазы... – нарочито мрачно протянул мой друг.

– Фу, какой ты! – махнула рукой Анна. – Все же знают Агафью, их семья не просто так прославилась в нашем поселке. Колдунья она.

– Да какая колдунья? – хохотнул Витян. – Ты веришь в эти бредни?

– Говорят, несколько дней в месяц она бегает по поселку в образе свиньи, – сошла на шепот Аня.

Я, все это время хранивший молчание, не выдержал:

– Друзья, ну вы, блин, даете. Фольклорные сказки какие-то.

– А че? – вдруг востроился Витька. – Эта версия интересна. Почему бы и нет. Оборотень свинья, – после этих слов он прыснул со смеха.

– Это не шутки, – вмешался Кирилл, стараясь встать поближе к даме сердца и завоевать ее доверие поддержкой. – Моя прабабушка рассказывала, что в ее детстве так одну ведьму вычислили. Странная старуха превращалась в черную козу, и когда эту козу ловили, сильно поранили и выбили левый глаз. Ведьма наутро умирала в своем доме, все слышали, как она выла и металась на постели, но только заглядывали в окна, боясь подойти ближе. А когда крики стихли, вошли и увидели бабку эту всю избитую с вытекшим левым глазом.

– И после этого я должна пойти с тобой на пруд? – недоумевала Анна, обращаясь к Виктору.

– Я не против с тобой, – весело дернул бровями тот. – Не хочешь вдвоем, пойдем кучей.

В этот момент Кирилл напрягся, и я решил сменить тему:

– Давайте лучше на озеро. Там места на берегу чище. И

зачем нам эти камыши...

— У меня идея. — Виктор поднял указательный палец, оглядев всех таинственным взглядом. — Пойдем к Агафье сами, просто посмотрим, как она...

— Нет! — отрезала Аня. — Эта прогулка для сумасшедших, а мне еще жить, замуж выходить и детей заводить.

— Чего ты боишься? — вскинул голову мой друг. — Нужно смотреть страху в лицо.

— Зачем? — закатила глаза Анна.

— Так надо, — не унимался Витька. — Чтобы не бояться. И заводят собачек с морскими свинками, а детей рожают. К сведению.

Мы все же решились прогуляться в сторону дома Агафьи Подгорной, наверное, чтобы пощекотать нервы и посмотреть страху в лицо.

Дом Подгорных находился на самой окраине села, где поселковая дорога сворачивает к лесу, за разрушенный дом и заброшенные сараи. В ту сторону люди старались не ходить, опасаясь колдунью и болотистые места. Местные грибники давно облюбовали тропу с другого конца поселения, которая так же уходила в лес, огибая небольшое озеро.

Шагая по дороге, мы живо обсуждали предпочитаемые профессии, которые хотели бы получить после учебы.

— Хочу стать врачом, — важно произнесла Анна. — Хирургом.

— Как можно этого хотеть? — сморщился Витька. — Кровь

да кишки!

– Почему сразу кишки? – фыркнула та в ответ. – Хирурги хорошо зарабатывают. И это очень интересная сфера.

– Да-да, – усмехнулся мой друг, – это с головой выдает твой нездоровый интерес и жажду крови...

– Завязывай! – оборвал Витьку Потапов, пихнув его для пушей убедительности в бок. Конечно, Кир опасался обидеть даму своего сердца и не позволял этого никому, ведь отец Анны Александр Мазурин отбывал пожизненный срок за обвинение в убийствах с пометкой: дело о сельском ма-
ньяке «цепочнике». Сельчане не могли поверить, что отзыв-
чивый на помощь сосед Сашка, хороший семьянин и любя-
щий отец смог убивать женщин на протяжении многих лет
и наводить ужас на жителей села «Лесное». Но его пойма-
ли с поличным, обнаружив при обыске дома украшение по-
гибшей соседки: цепочку с подвеской. Дело было закрыто, а
Александр Мазурин осужден на пожизненный срок.

После слов Витьки Аня замолчала и угрюмо опустила
взгляд. Чтобы разрядить обстановку, я махнул рукой:

– Сколько у меня было желаний с детства! Мечтал стать
ветеринаром, после спасателем, потом военным.

– И все это променял на архитектурный, – заметил Вик-
тор.

– Да, мне нравится составлять проекты, нравятся черте-
жи и вообще художественная культура. Я уже ездил в сто-
личный университет, разговаривал с приемной комиссией, и

если моя золотая медаль подтвердится, меня примут на следующий год на особо выгодных условиях.

– Это круто, – вздохнул Кирилл. – А с моей успеваемостью только в армию.

– С твоим телосложением туда и надо, – подтвердила Анна. – Покажи там всем «дедам», кто в доме хозяин.

Витька оглядел накачанного Потапова и вопросительно склонил голову:

– А кем ты хотел стать?

– Художником, – пряча смущение, ответил тот.

– Ничего себе! – удивилась Аня, окинув взглядом Кирилла. – Seriously?

– Еще один любитель прекрасного, – саркастически ахнул Виктор.

Я вспомнил, как однажды был на районной выставке, проводимой между учащимися школ, и видел интересные картины с подписью К. Потапов. Мне тогда пришло на ум, что какой-то однофамилец нашего Потапа так мастерски рисует.

– Подожди, – остановился я, – это ты участвовал в районной выставке два года назад?

– Да, – пожал плечом Кирилл.

– Обалдеть! – наигранно всплеснул руками мой друг.

Анна развернулась к смущенному здоровяку и удивленно потрясла головой:

– Ты что, рисуешь?

– До конца осознаешь это завтра, – снова подыграл Вить-

ка. – Это ведь сложная информация.

– Хорош зубы сушить, – буркнул ему в ответ Потап, и тут же неуклюже улыбнулся своей музе: – Рисую. Так, для души.

– Помню портреты, – добавил я, перебирая в памяти лица на рисунках. – Отличные были работы. И, кажется, одно лицо мне знакомо.

Кирилл глянул на Анну и откашлялся:

– Ну, есть такое дело.

– А! – протянул Витька, довольно потирая ладони. – Все понятно. Мадам, вас увековечили для потомков.

В этот момент за забором появилась Агафья, шаркая галошами, она прошла в сарай и скрылась за дверью. Мы тут же пригнулись и замерли, а затем отскочили к кустам, поглядывая через листву на ветхую постройку.

– Посмотрел? – хмуро кивнула Анна, ткнув Виктора в плечо. – И что тут интересного? Бабка как бабка. Сейчас приколдует тебя, будешь с ней по ночам бегать в образе черного козла.

– Э, нет, – мой друг покачал головой. – Это так не работает, нужно передать силу, целый ритуал.

– Откуда ты знаешь? – не унималась Анька. – Готовился?

– Ага, параллельно с домашним заданием.

– Тихо вы, – шепнул я, указывая вперед, где снова показалась Агафья. Она несла сверток из серой ткани и что-то шептала, затем вдруг остановилась и подняла глаза прямо на нас, парализуя взглядом. Мы буквально остолбенели, пере-

став дышать. Сколько это продлилось, не знаю, но когда бабка отвела глаза и стала что-то искать вокруг себя, мы дали деру через кусты к заброшенному дому. Другой дороги тут не было.

Мы бежали, то согнувшись, то выпрямившись, пока не достигли старых стен, где притаились снова. И когда Агафья открыла калитку и вышла за забор, глядя в нашу сторону, рванули еще дальше, за разрушенные сараи дома, где увидели колодец. Добежав до колодца, мы остановились и спрятались за ним, потому что совершенно выдохлись от побега.

– Ах! – вдруг вскрикнула Анна, перегнувшись через высохший деревянный сруб. – Мой браслет!

– Ты что? – одернул ее Кирилл. – Перевернешься!

– Я уронила браслет, – уже шепотом добавила Аня. – Зацепился за сучок.

– На кой тебе эта безделушка? – фыркнул ей Виктор, не отрывая взгляда от дома колдуньи. – Потап новую купит.

– Это подарок... – тихо ответила Аня и добавила, поджав губы: – От папы.

Кирилл обвел всех тяжелым взглядом, давая понять, что лучше промолчать, потому что так и хотелось съязвить, что браслет с какой-нибудь отцовской жертвы. Хотя маньяк снимал с несчастных женщин только драгоценности с шеи, мог же он изменить принципу и прихватить еще браслет.

Преступления, в которых был обвинен Александр Мазурин, сложились на него как карточный домик десять лет на-

зад. В тот день очевидцы видели, как Сашка поспешно выбежал с сумкой из дома односельчанки Светланы Ивановой, которую через пару часов соседка обнаружила мертвой. Светлана была задушена в своем доме, с ее шеи пропала цепочка с подвеской из цветка и голубого камня, о чем сообщила дочь погибшей. При обыске дома Мазуриных пропажа была обнаружена, а Александр взят под стражу. Правда, в поселке никто не верил в виновность отзывчивого Сашки Мазурина, но факты, собранные на следствии, говорили о другом.

– Я чуть в штаны не наложил, – шепотом усмехнулся Витька, продолжая следить за домом Агафьи, которая вернулась во двор и скрылась за дверью. – Вот ведь аура колдовская!

– Пойдем обратно через лес, – предложил я. – Обойдем это место, если вам так страшно.

– А тебе нет? – искоса глянул Потап.

Анна поднялась, опасливо поглядывая в сторону жилища Подгорной, и заглянула в колодец с размышлением:

– Как же его достать...

– Даже не думай! – покачал головой Виктор. – Это проклятый колодец, ты не помнишь, что здесь происходило?

– Давайте уйдем, по ходу подумаем, неприятно здесь торчать, – снова отозвался я.

Мы прошли через разрушенные сараи и попали на лесную тропу, по которой обогнули поселок и вошли в него с другой более людной стороны.

Этот день прошел необычно: каждый из нас ощущал что-то от встречи с Агафьей, какое-то необъяснимое чувство. С одной стороны это был страх перед странной бабкой отшельницей, с другой – непреодолимое чувство притяжения, хотелось вернуться к дому Подгорной, хотя такое желание походило на сумасшествие.

Ночью я решил пробраться к жилищу Агафьи и посмотреть своими глазами на странности, которые приписывают этой старушке. Сказать, что мне не было страшно, не могу, потому что не чувствовал ног, пока шел по дороге. Ватными руками сжимал фонарик и боязливо озирался по сторонам, выглядело это, конечно, по-дурацки. Но со мной что-то произошло после случая с колдуньей, такое, что не давало думать ни о чем, кроме новой встречи.

Подобравшись поближе к забору дома на окраине, я начал партизански выглядывать из-под облезлого штакетника, стараясь рассмотреть что-нибудь за окнами. Какое-то время ничего не происходило. Мои ноги начали дрожать от постоянного напряжения полусогнутых колен, ночная прохлада окутала неудобным ощущением и страхом быть замеченным хозяйкой дома. Я реагировал на каждый шорох и хруст, вздрагивая, как трусливый пес, и озираясь на все четыре стороны.

Вдруг во дворе что-то промелькнуло, какая-то тень, затем снова и снова. Тени передвигались быстро, в основном вокруг дома и над крышей, кружа, словно огромные страшные птицы. Я стоял, как вкопанный, не в силах сдвинуться с

места, и когда послышался вой и стоны, меня парализовало окончательно. Вонзая занозы деревянного штакетника под кожу ладоней, я сжал пальцы настолько сильно, насколько смог, чтобы не упасть на землю от внезапного онемения тела. Передо мной носились странные тени, будто сотканые из дыма, они выли и стонали, пытаясь приблизиться к окнам, но их словно что-то не пускало внутрь, и от этого темные фигуры злились и рычали. Не знаю, сколько это продлилось, но в какой-то момент из окон появился свет, не тот, что появляется от лампы, а какой-то другой, особенный. Свет становился ярче, и мне показалось, что его края поднимаются даже над крышей.

Такое положение вещей не понравилось теням, они рывками бросались на стены, рычали и шипели, отчего мне стало не по себе, захотелось во что бы то ни стало бежать куда глаза глядят, лишь бы отсюда подальше.

Вокруг дома Агафьи поднялся ледяной ветер, заворачивая поток воздуха воронкой, он втягивал и меня, но мои пальцы намертво обхватили деревянные рейки забора, позволяя оставаться на месте. В этот момент я почувствовал нарастающую тошноту и потемнение в глазах. Вой, скрежет и стоны смешались в моей голове, после чего все резко стихло.

Очнулся я на земле у забора дома Подгорной. Поспешно поднявшись, направился прочь от страшного места, лихорадочно водя фонариком по тропинке перед собой. Ночной холод и лай собак за каждым воротами меня не волновали,

хотелось просто оказаться дома, в своей теплой постели и совершенно забыть об этом происшествии. Просто вычеркнуть из памяти.

Добравшись до родного дома, мне удалось нырнуть в свою спальню и остаться незамеченным в побеге. Скорее накрывшись одеялом с головой, я постарался отрешиться от назойливых мыслей, что являли картинки странного увиденного у дома Агафьи. Сделать это было непросто, но усталость и стресс взяли свое, и почти к рассвету я уснул.

Глава 2. Байки у костра

На следующий день мы с ребятами встретились на озере. Я не знал, рассказывать о ночном происшествии или нет, потому что даже мне наутро казалось, что все это сон, если бы не куча болезненных заноз в пальцах.

Мы устроились на берегу под большой кроной ивы, болтая о разном. Анна была тихой и задумчивой, что мало походило на нее.

– Что с вами, мадам? – в свойственной манере поинтересовался Витька. – Потап шикарную свадьбу зажал?

– Какую свадьбу, – отмахнулась Аня. – Отстань от меня.

Кир исподлобья глянул на моего друга, хрустнув кулаками, и я решил смягчить ситуацию:

– Что-то случилось, Анют? Ты сегодня грустная, это на тебя не похоже.

Потапов заглянул в лицо своей музе и качнул головой:

– Когда захочет, тогда расскажет. Больше поговорить не о чем?

– Привет, – услышали мы незнакомый голос и обернулись. Позади нас стоял парень, темноволосый и крепкий, с какими-то бездонными печальными глазами. – Можно к вам?

Я даже растерялся сначала, осматривая незнакомца сверху вниз.

– Можно, коли не боишься, – попытался пошутить Вить-

ка, но общее напряжение все же повисло в воздухе.

– Я Ефим. – Парень протянул мне руку. – Ефим Подгорный.

От последней фразы меня передернуло, и это было заметно при рукопожатии.

– Подгорный? – с подозрением спросила Анна. – Ты не с нашего села, мы всех знаем. А что тут делаешь?

– В гости приехал, – ответил Ефим, печально глянув на Аню.

От его взгляда веяло чем-то потусторонним, но вместе с этим ощущалось спокойствие.

– К кому приехал? – поинтересовался Виктор, деловито раскачивая ногой.

– К бабушке. На лето.

Где-то глубоко внутри меня появился холодок. Подгорный? К бабушке? Кто же он?

– А кто твоя бабушка? – Анна нахмурилась, откинув волосы за плечи.

Ефим выдержал паузу, словно собирался с духом.

– Агафья Подгорная. Ее дом в самом конце улицы, у леса.

Я пропал. Возможно, парень видел меня ночью, торчащим у забора. Какой позор...

– Давно приехал? – пришлось выдавить мне.

– Сегодня утром. На каникулы.

– Ну, что ж... – протянул Витька, обычно находчивый, но в данной ситуации это не сработало.

Ефим медленно оглядел нас и с неким сожалением произнес:

– Я знаю, как люди относятся к моей бабушке, какие слухи о ней ходят...

– Но ты не она, – перебила Анна и улыбнулась, стряхивая песок с ладоней. – Все нормально, правда.

С этого момента в нашей компании появился Ефим Подгорный. Он отличался мягкостью и спокойным нравом, но все ребята признались, что в его присутствии испытывают что-то необъяснимое, какое-то особое чувство, что, впрочем, никак не помешало нашему общению в дальнейшем.

Меня не покидало ощущение, что новый друг мне знаком, хотя вряд ли такое возможно. Сколько себя помню, в доме Агафьи были только кошки, а я жил в «Лесном» с рождения.

Про мой ночной поход на окраину пока никто не знал. Честно сказать, было стыдно от такого поступка, но ощущения там были реальные, занозы долго еще нарывали, а во снах приходили темные фигуры и с рычанием и стоном бросались на меня. Надеюсь, Ефим в ту ночь не видел моего присутствия, ведь он приехал утром, из чего я решил скрыть происшествие от всех.

Наш новый друг оказался задумчивым и малообщительным, он просто находился рядом и будто ждал чего-то, какого-то момента.

Анна проявила благосклонность к Ефиму, что напрягло Потапова, который окружал нашу единственную леди со

всех сторон вниманием и заботой. Но в остальном было хорошо. Каникулы – время счастья для школьников. Мы дурачились с легкой подачи моего друга Витьки, жгли вечерние костры с рассказами о домовых и приведениях, купались до умопомрачения и запекали картошку. А потом, откинувшись на траву, слушали стрекотание сверчков и смотрели на мерцающие звезды, мечтая каждый о своем.

Мы делали так каждое лето. Почти.

В тот год, десять лет назад, по поселку прошел жуткий слух: «цепочник» вернулся. Люди стали загонять своих детей домой раньше, чем обычно, закрывать ставни, отпускать собак с цепей на ночь. Все жили в напряжении. Иногда рассказывали, что в темное время видели фигуру мужчины, притаившегося то тут, то там. А после арестовали Александра Мазурина, обнаружив цепочку с подвеской убитой соседки в его доме. Аня плакала навзрыд, глядя, как полицейская машина увозит отца, сельчане стояли с белыми лицами, не веря своим глазам, и я был тут же. Мы гуляли с Аней у пруда, пытаясь отыскать дождевую жабу, когда соседский пацан прибежал к нам и рассказал, что к Мазуриным приехали полицейские.

В то лето мы не пекли картошку, не плавали до синих губ и не смотрели на звезды, лежа на траве. Анна замкнулась и почти перестала общаться. Ее мать, Мария Мазурина, как-то постарела и, встречаясь с сельчанами, проходила быстро, опустив глаза.

Нужно сказать, что в поселке многие не верили в виновность соседа Сашки, веселого и отзывчивого человека. Но в маньяках главное то, что про них никто из близких и знакомых даже подумать не может плохо. Обычно преступник отличный семьянин, тихий приветливый сосед и примерный работник. Соседи не гнобили семью Мазурина, но когда после обвинения Александра преступления, происходившие в течение многих лет, прекратились, стали коситься и шептаться. Аня считала отца невиновным, сделав вывод после его рассказа на свидании, хотя это мало кого волновало. Так и жили они с матерью, веря и ожидая чуда.

Наш друг Анька, постепенно пришла в себя, и следующим летом мы снова жгли костры и травили байки про призраков. И самое интересное: снова смотрели на ночное звездное небо и загадывали желания.

– Лёнь, помнишь, как мы искали дождевую жабу? – улыбаясь, спросила Аня.

– Помню, – расплылся я в улыбке в ответ.

Виктор усмехнулся:

– Волшебники, блин! Воды с неба захотелось?

– Конечно, – мне пришлось подмигнуть. – Ливень тогда был на славу.

Анна погрустнела и опустила глаза со словами:

– Это было в тот год... Когда папу забрали. Такая долгая засуха наступила, а в августе получилось.

– Там не просто дождь прошел, – добавил Потап. – Ура-

ган, какого давно не было, на опушке лес повалило, крыши снесло с домов.

Виктор кивнул на меня и Аню:

– Вон кто у нас заботливый, наколдовали с жабой в компании.

– Дождевую жабу сложно найти, – подтвердил Ефим. – Это редкий экземпляр.

– Хочешь сказать, лягушка вызвала дождь? – с ноткой укора покачал головой Витька.

– Конечно, нет, – спокойно ответил Фима. – Это не в ее власти. Просто такой вид жаб встретить удастся не каждому.

Все замолчали, а я вспомнил, как в то лето Аня ходила заплаканная и тихая, почти не гуляла, а если такое случалось, разговаривать ее было невозможно, и через время она возвращалась домой. Как раз до этого мы с Анютой решили вызвать дождь, чтобы прекратить страшную невиданную засуху. Нашли в камышах пруда нужную жабу и совершили «ритуал» просьбы. Начался ливень, который перерос в ураган, отчего многие дома потеряли часть крыш, деревья повалило, как хрупкие ветки, лес на опушке тоже полег, но зато все стояло в воде, потому что ее не успевала принимать земля.

Как-то мы уговорили Кирилла нарисовать нас, как он захочет. Кир предпочел рисовать, пока мы сидим и общаемся, чтобы никого не напрягать.

Общим советом решили устроить посиделки у костра, и

пока было светло, наш художник с важностью мастера водил карандашом по бумаге. Когда же стемнело, освящением послужили пламя костра и мощный фонарик, который мы прихватили для ночных посиделок.

– Знаете, что бывает домашний домовой? – начала Аня, склонившись ближе к костру и оглядывая каждого.

– Кто ж не знает, – усмехнулся Витька. – Всякое рассказывают.

– Так вот, – продолжила наша рассказчица, – моя тетя живет в соседнем селе, недавно она похоронила мужа, болел он долго и умирал тяжело. На третий день после похорон в доме стали раздаваться стуки, завывания, какой-то грохот. Мебель двигалась, предметы падали, в общем, страшно. Тетя не могла спать, боялась, что в нее попадет какой-нибудь предмет, они прямо падали сверху...

– Ну, тут можно напридумать, – перебил Виктор.

Аня медленно перевела взгляд на него и таинственно продолжила:

– Я сама лично видела, когда ездила к ней. Тетя посадила нас с мамой обедать, пока наливала суп в тарелки, стулья за столом начали скользить по полу, отъезжая и снова подвигаясь к столу, картины на стене слетали с гвоздей и падали на пол, а одна пронеслась над нашими головами. Мы едва успели уклониться. А еще звонил неподключенный звонок на воротах и нерабочий телефон в доме.

– Жесть... – выдохнул мой друг, заслушавшись расска-

зом. – Тетка живая осталась?

Аня качнула головой:

– Ей подсказали, что это может быть домовик. Тетя после смерти мужа переставила его кровать в нежилую комнату, а матрас выбросила. Вот на том месте, где встала кровать, было место домовика. Он разозлился и начал вредить, они всегда так поступают, если их обиталище занимают.

– Я бы свалил из такого дома, – выдохнул пораженный Витька.

– Тетя хотела продать дом, пыталась долго, но ничего не вышло. Местные знали про то, что в нем творится, а приедем все время что-то не давало совершить сделку. Но потом ей рассказали о домовике, и она стала искать, что могло помешать этому вредному духу. Поняла, что кроме кровати ничего не меняла и убрала ее, после чего все стихло и стало как прежде.

– Просто убрала кровать и все? – удивился я.

– Ну, еще приезжал священник и освятил дом, – добавила Анна. – Больше ничего. Тетя осталась там жить, сейчас все хорошо.

– Да уж, – протянул Виктор. – Какой только нечисти нет. Мой отец рассказывал такую историю. Его дед с братом по молодости были отчаянные и прямо бешеные, спорили по любому поводу. Однажды не поделили сельскую красавицу и, чтобы завладеть ее вниманием, поспорили, что принесут ей с местной топи цветок белой болотной лилии. Их отгова-

ривали, потому что в тех местах водились кикиморы и всякие там лешие. Люди верили, что высокая болотная растительность скрывает разную нечисть, которая губит путников. Но наши brave ребята отправились туда, откуда не возвращаются. Чтобы попасть на болото, нужно пройти часть леса. В лесу братья как-то разминулись, дед начал блуждать, в поисках выхода провел много времени, слышал голоса, видел туман, в котором являлась дорогая сердцу Ефросинья и разные другие образы. В общем, потерялся совсем, а когда наконец вышел на болото, увидел, как черная жижа засасывает соломенный короб брата, в котором тот собирался нести цветок, чтобы не повредить. В это же время по сторонам раздавался одиночный крик, стелился туман, и было жутко. Дед бросился на помощь, дополз по кочкам до той части топи и лег, погружая длинную палку то там, то здесь, но было уже поздно. Палка вытащила лишь фуражку брата. Когда дед вернулся в село, местные веды рассказали, что его самого путал леший, его еще называют – блуд. Это лесной дух, сбивает путника с дороги и туманит его. Ну а брату повезло меньше, он встретил болотную кикимору. Это якобы не упокоенный дух самоубийцы, который кричит, пугает и напускает мрачный туман. «Кик» – значит птичий крик, а «мор» это мрачность, темнота.

– Крик в темноте? – поежилась Аня. – Неприятная история. Значит, брат деда погиб?

Витька развел руками:

– Увы. Молодо-зелено. Буйный юношеский нрав и погубил. Ведь говорили старожилы, предупреждали.

– В тебе умер писатель, – серьезно констатировал Потапов, продолжая рисовать. – Так представить историю, словно книгу читал.

– Почему умер? – игриво покачал головой мой друг. – Я планирую на журфак. Все условия: столица рядом, я чертовски талантлив...

В этот момент Анна прыснула со смеха и поинтересовалась:

– Так кому досталась Ефросинья?

– Муза деда решила не связывать свою жизнь с подобным индивидом. Вышла замуж за стрессоустойчивого и уравновешенного соседа.

– Так спокойнее, – согласилась Аня. – И надежнее.

– Может быть. – Витька дернул бровями и кивнул в сторону Потапова, который сосредоточенно уставился на свою работу, поправляя что-то там ведомое только ему. – Художник тоже надежней? Он не кинется на болото и истерик в семье закатывать не будет, правда?

– Я, по-твоему, собралась замуж?

– А разве нет? – хохотнул мой друг. – Все девчонки хотят замуж.

Анна закатила глаза:

– Отстань, Симонов. Достал своей женитьбой, больше тем нет?

Виктор еще больше усмехнулся, качая головой и поглядывая на Кирилла. Затем пошевелил полена в костре и развернулся ко мне:

– Давай, Сорока, теперь твоя очередь пугать.

Мысли в моей голове лихорадочно заматались в поисках, но через минуту удалось реанимировать всплывшую в памяти историю.

– Когда я был маленьким, слышал от сестры моей бабушки такой рассказ. В их детство по селам ходила ведьма и искала себе временное жилище. Ее все боялись, потому что шел слух про недобрые проделки старухи, если ей отказывали.

Однажды ведьма появилась в их селе, она долго бродила по улице, высматривала жилище, могла час простоять напротив какого-нибудь дома, неотрывно глядя на него из-под низко посаженного черного платка. Говорили, что дети пытались дразнить странную путницу, и если такое случалось, после заболели разными недугами. Поэтому, когда ведьма появлялась в селе, улицы становились пустыми, а ставни и ворота закрывались. Однажды черная ведунья остановилась возле дома соседа бабушкиной сестры и потребовала пристанища. Сосед наотрез отказался впускать непрошеную гостью, но та не уходила, грозила и требовала ее принять. Хозяин дома остался непреклонен, и в этот же день над его крышей появилась стая ворон, птицы долго кружили, кричали, а потом просто попадали замертво прямо на двор и огород.

После чего ведьма постучала своей клюкой по воротам этого дома и исчезла.

– Только и всего? – махнул рукой Виктор.

– Это только начало, – многозначительно прошептал я. – Дальше все начало меняться. Вода, что хозяева приносили из общего колодца, в их доме стала протухать, урожай гнил, по огороду ползали какие-то странные невиданные черви, скотина подохла в болезнях, в общем, ничего хорошего. Хозяйка жаловалась, что плохо спит, потому что ночью ей кто-то садится на грудь, и от этого тяжело дышать, а ее муж стал слышать в бане какой-то голос. Соседи сожалели, но ничего посоветовать не могли. А однажды наутро нашли их мертвыми. Женщину в постели с широко раскрытыми глазами и ртом, а мужчину в бане на полу, его шею крепко обвили прутья из березового веника.

– Фу, какой ужас, – сморщилась Аня. – А их дети?

– Пара была бездетная. С ними жили родственники, но когда ведьма облюбовала их дом, быстро съехали. Люди не хотели иметь никаких дел с той страшной старухой, ведь слухи о ней давно ходили по свету. Она бродила по селам и выбирала дом, просила впустить ее на какой-то срок, как долго и зачем – никто не знал. Все ее просто боялись. После похорон старожилы сказали, что мужчину убил банник, такой недобрый дух бани, которого не видно, но его можно слышать и испытывать результат действия на себе. А женщину сгубила мара, ночной демон, садящийся на грудь жертвы и

вызывающий удушье.

– Надо с ведьмами дружить, – саркастически усмехнулся Витька.

– Это плохой совет, – отозвался молчаливый Ефим. – Друзья определяют окружение.

Аня подкинула в костер сухую веточку и засмеялась:

– Симонов, тебе пойдет дружба с вурдалаками и упырями.

Виктор принял нарочито серьезный вид и поднял палец со словами:

– Друзей не меняю.

– Бывают и смешные истории, – добавила Аня. – Вот, например, как забирали домового при переезде в новый дом. Вообще, домовика старались задобрить, оставляли для него угощения, сладости, чтобы он следил за жильем и не вредил. А при переезде в другой дом звали за собой, везли лапоть на веревочке, в котором ехал домовый, это так перевозили домашнего охранника.

– Жест, – не выдержал мой друг и, улыбаясь, затряс головой. – Лапоть на веревочке! И в это верили?

– И сейчас верят, – подтвердил наш художник, продолжая работать. – Знаю семьи, где до сих пор чашку молока вечером на столе оставляют. Для него. Угощения разные и всякие вкусности.

Витька обернулся на Потапова и оглядел с ног до головы:

– Да ты не так уж и пропащ, как я погляжу. Подкидываешь информацию понемногу.

В ответ Кир поднял глаза и с вызовом дернул головой, перестав рисовать.

– Работай-работай, – успокаивающе протянул мой друг. – Тебе нельзя отвлекаться, а то нарисуешь мне второй нос, а это, знаешь ли, некрасиво.

– Тебе второй мозг надо нарисовать, – огрызнулся тот. – Слишком умный.

Виктор усмехнулся:

– Ну, окей, тогда с тебя страшилка, многопрофильный чел.

Потапов снова поднял глаза и, одарив оппонента многозначительным взглядом, спокойно начал:

– Слышал такую историю. В соседнем селе «Нижний Лог» есть странное озеро, вода в нем меняет цвет и поет. В одну июльскую ночь на Ивана Купалу местная молодежь выбирала суженых. Девушки, как обычно, плели венки и опускали их в реку, так же молодые искали цветок папоротника, зажигали костры и прыгали через них парами. Но главное, нужно было искупаться до захода солнца. Так парень по имени Степан, красавец и удалой молодец, которого считали завидным женихом, отправился на то самое сельское озеро. В это время озерная вода стала молочной, по верху стелился белый туман, и слышалось пение. Степана отговаривали идти, пугали тем, что озеро многих забирает, но первого парня на деревне это не остановило. Он смело разделся и вошел в белую поющую воду, это видела Глаша, девушка, мечтавшая запо-

лучить местного мачо. Она притаилась на берегу в надежде на эту волшебную ночь. В озере Степан вел себя странно, Глаша даже подумала, что ему стало плохо, но потом на поверхности вдруг показался огромный рыбий хвост, и парень с головой ушел под воду. Когда же Степан вышел на берег, он выглядел растерянным, все оглядывался на водную гладь и словно не знал, что делать дальше. Глаша забрала бедолагу и увела к костру, где они прыгнули через огонь и объединились в пару.

– А дальше все жили долго и счастливо, – с усмешкой констатировал Витька.

Кир бросил на него укоризненный взгляд и продолжил:

– Но волшебство ночи Ивана Купалы не принесло ожидаемого результата для девушки. Степана тянуло к озеру, он слышал шепот, пение, зов, все рвался к воде, говорил, что встретил там свою любовь и без нее не представляет жизни. Парень перестал есть, похудел и изменился, только твердил, что ему нужна она, а он ей. Начал пропадать на озере днем и ночью, часами смотрел на воду, разговаривал сам с собой.

– Вот к чему приводит встреча любви, – снова вклинился мой друг, театрально качая головой. – Есть о чем задуматься, а, Потап?

– Да замолчи ты! – возмутилась на него Анна. – Лёнь, действуй на Симонова.

Я вздрогнул от обращения ко мне, но Виктор засмеялся и поднял руки в знак того, что будет молчать, после чего Ки-

рилл продолжил:

– Ни Глаша, ни родственники, ни друзья не могли привести в чувства Степана. Он стал уходить на озеро для свидания со своей любовью. Каждую ночь входил в воду и пропадал из виду на какое-то время, после появлялся счастливым, но совершенно отрешенным. И однажды парень решил соединиться с той, что завладела его сердцем. Шепча какие-то слова любви, он утопился в поющем озере. Глаша рассказала, что часто следила за Степаном и видела страшное костлявое существо, выходившее на берег. Это существо походило на девушку, с длинными выющимися волосами до земли, его руки были очень длинными и худыми с белыми ногтями, еще запомнились бесцветные застывшие глаза и фарфоровая кожа. Существо что-то шептало Степану на ухо, указывая на озеро, а потом раздавалось пение. Это пела возлюбленная, та, что манила Степана, та, что выходила к нему на берег каждую ночь, это странное существо с длинными волосами и застывшим взглядом. Так и пропал парень. Местные сказали потом, что это была русалка, коих много в том озере. Их голос кажется чарующим, а вид прекрасным, но только для тех, кто окунется в озеро в ночь полнолуния. Степан вошел в воду именно в такую ночь. Эти существа поют, чтобы завлечь человека, и когда тот попадает на крючок, опутывают своими чарами.

– Поэтому озеро называли поющим? – поинтересовалась Анна.

Кирилл кивнул:

– Да, и для русалки важно, чтобы человек утонул по своей воле. Говорят, водяные существа это девушки-утопленницы, покончившие с жизнью из-за несчастной любви, и поэтому мстят каждому представителю мужского пола.

– Не хотел бы я влюбиться в такое существо, – брезгливо вздрогнул Виктор. – Ну, Потап! Ну, молодец! Можешь же, когда хочешь. И мускулы отрастил, и рисовать умеешь, и напугать мастак.

Тем временем наш костер почти прогорел, комары и мошки начали атаковать все чаще, и, убедившись, что наши портреты готовы, мы начали собираться домой. Байки у костра были закончены.

Глава 3. Тайное происшествие

Мне не давало покоя увиденное у дома Агафьи тем поздним вечером. Что за вещи там творятся? Ведь я своими глазами видел странные тени, яркое свечение и слышал злобное рычание. Кто на самом деле эта старушка? Чем занимается? Неужели, правда, ведьма? Жители в поселке уверены в этом. И почему-то тянет возвратиться к ней.

Мне казалось, что Агафья Подгорная живет в своем доме на окраине – вечно. словно до моего рождения она уже века провела в своей избушке, которую так и тянуло назвать «на курьих ножках».

Однажды ноги снова понесли меня к дому местной ведьмы. Зачем? Для чего? Ответа не было. Обычным летним вечером, когда ночная прохлада опускается на землю, я шел по улице, низко опустив голову в капюшоне, потому что не хотел быть замеченным соседями или друзьями. Спрашивал себя: что мне нужно в том странном месте – и не находил ответа, но не мог остановиться и будто сомнамбула продолжал двигаться дальше.

Поздний вечер. Жители поселка уже удобно укладываются спать, скотина накормлена, пастухи отдыхают, ставни прикрыты. Теплый желтый свет из окон все чаще гаснет, убавляя даже ночных птиц. И только я, как неупокоенный дух, бреду по темной длинной улице, как вор пробираюсь

сквозь жесткие ветки кустарника, желая как можно ближе подобраться к заветному дому, к маленьким полукруглым окнам с теплым желтым светом и непременно узнать истину. Да, мне нужна истина.

Что-то хрустнуло неподалеку, заставив меня очнуться. Я у дома Агафьи, снова держусь за старый деревянный штакетник, тот самый, занозы от которого еще долго нарывали в моих пальцах в прошлый раз. Уже точно за полночь. Фонари в нашем поселке давно не работают, так что ночное освещение единственной главной улицы осуществлялось редкими горящими окнами. Жилище Подгорных находилось на окраине села, на приличном расстоянии от основного поселения, поэтому света там не было вовсе.

Всматриваясь в полуприкрытые занавесками окна, я всем существом тянулся по ту сторону, мечтая оказаться там и все понять. Но в то же время было не по себе, вдруг меня заметит Ефим, как тогда оправдываться? Ведь старая женщина это не одно и то же что мой сверстник.

Пока я так размышлял, почувствовал что-то давящее, будто взгляд со спины, и стало жутко. обернуться было страшно. В этой стороне поселка больше никого не встретишь, кроме Агафьи, но хозяйка дома внутри него, а не снаружи. Я тяжело сглотнул, почувствовав ползущий по спине холод, и начал медленно оборачиваться, но вдруг мое тело перестало слушаться, и я замер. Про такое говорят: как парализованный. Тем временем страх рос и опутывал мое сознание все

больше, позволяя, тем не менее, проклянуть и этот вечер, и решение прийти сюда, и странное безвольное состояние. Онемение всего тела напугало меня, хотелось вырваться и бежать подальше что есть силы, но мои попытки были схожи с мухой, попавшей на липкую ленту, тщетно пытающейся спастись.

Что я делаю? Что делаю здесь? В такое время мог бы удобно устроиться в кровати своей уютной спальни, подбирая под пятки край махрового одеяла, и мечтать о времени после школы. А может быть, даже спать и видеть сон о моей счастливой взрослой жизни. Но я торчу здесь, у забора дома местной ведьмы, и хочу узнать что-то большее. На что я надеюсь? Мое тело уже не слушается, а что ей стоит сделать из меня основу для пугала, посадить на кол и воткнуть посреди огорода. Может, повезет, и я умру быстро?

В этот момент к моей голове кто-то прикоснулся, и это весьма напрягло меня, потому что обернуться я не мог. После со стороны спины послышалось рычание, звук приближался и даже как-то сгущался, а потом я увидел темные тени, они плыли к дому, рыча и окружая меня с обеих сторон, как бы обтекая, после чего входили в окна и крышу. При этом я не мог шевельнуться и стоял, крепко вцепившись в деревянные рейки, замирая от леденящего ужаса. В доме вдруг послышались голоса и даже выкрики, замигал свет, и кто-то выглянул в окно. Какой позор... Сейчас Ефим увидит меня в таком жалком положении, и мне придется объясняться.

Внезапно из окна напротив вылетела тень и бросилась в мою сторону, неся перед собой голову Агафьи. Лицо старухи оскалилось прямо передо мной, собирая дряблую кожу в складки, и вдруг ушло вверх и скрылось в темноте. От неожиданности я вскрикнул и как ошпаренный отскочил от забора, помчавшись в противоположную сторону, куда-то через бревна и груды сухих веток. Но через мгновение понял, что не могу бежать, потому что не чувствую ног. Тяжело завалившись за пригорок, поросший густой травой, я продолжал ползти, оглядываясь на злобный дом, пока силы не оставили меня.

Перебирая пальцами поросль холодной травы, добрался до какой-то стены и посветил фонариком. Стеной оказался колодец, тот самый, в который Аня уронила браслет. Раньше об этом колодце ходили мистические слухи, но сейчас меня это не волновало, внимание было приковано к жилищу напротив. А там снова появился яркий свет над крышей, послышался вой и скрежет. Темные фигуры влетали и вылетали сквозь стены без труда, кружась над крышей и злобно рыча. Помимо ночной прохлады меня накрыло особым холодом, от которого стало трясти все тело.

Вдруг одна из фигур отделилась от общей массы и двинулась в мою сторону, неожиданно быстро появившись передо мной. Я мог поклясться, что увидел нечто страшное, после чего наступила полная темнота.

«Леонид... Лёня...» – слышалось над моей головой. Вот

лицо Ефима, он что-то спрашивает, склоняется. Я как в бреду, ничего не слышу и мало что понимаю. Хочу сосредоточиться и объяснить, но у меня не получается. Затем снова темнота.

Открыв глаза, я увидел звездное небо и не сразу сообразил, что со мной. Оглядевшись, понял, что лежу у старого колодца, когда-то названного «черным», и вспомнил, что пришел к Агафье. У ее дома все было спокойно, никаких звуков и сияний, никаких движений. Ночь, уже слышен сверчок, и только я нахожусь на краю села, где обнимаю стену колодца в страхе. Но повода для страха уже нет, нужно заставить себя подняться и уйти.

Из-за сильной боли в ногах пришлось использовать кривую корягу для опоры, чтобы двигаться. Что со мной случилось, понятия не имел, но имел большое желание вернуться домой.

Торопливо ковыляя по дороге, я оглядывался назад, боясь быть замеченным Агафьей или ее внуком. Но Ефим видел меня у колодца, и это повисло грузом стыда в сердце. Только почему он меня оставил? А может быть, это привиделось? Как все странно. Будто сон, в который я вхожу по своему желанию уже не первый раз, а после страдаю от этого.

Ночная прохлада зябко окутала меня с головы до ног. Дорога домой казалась бесконечной. Высокие серебристые тополя шумели листвой на самых макушках, соседские собаки притихли, а в воздухе уже пахло росой.

Что со мной происходит? Что заставляет торчать у дома Подгорных ночами? Какую истину мне хочется узнать? И почему вдруг все это стало посещать мою голову?

Ефим видел меня. Как теперь оправдываться? Какую небылицу сочинить? Я разбит. Мои ноги страшно болят, а в теле гигантская усталость. Но меня ведь никто не гнал в это странное место.

Сам виноват.

Добравшись наконец до своего дома, я тихо пробрался в спальню и совершенно без сил упал на кровать.

Мне снился сон о детстве. Вот я маленький разворачиваю шоколадную конфету и радуюсь, рядом кто-то стоит, это женщина, потому что запомнилась темная длинная юбка в мелкий цветочек. А я настолько мал, что для того, чтобы посмотреть на взрослого, мне нужно высоко поднять голову. Женщина снова дает конфету, гладит по волосам и уходит за деревянную калитку, и я наконец поднимаю голову и смотрю ей вслед. Это дом Агафьи Подгорной.

– Эй, братан, хорош лежище устраивать, – слышался голос моего друга.

Я вздрогнул и открыл глаза. Моя спальня, напротив стоит Витька и, качая головой, улыбается.

– Который час? – пришлось отозваться мне и приподняться, хотя ощущения были такими, будто мне сломали все кости.

– Время хватит спать, – с усмешкой бросил мой друг. –

Что с тобой вообще? Весь в царапинах, спишь до обеда. Мы же хотели на озеро.

Все, что я смог сделать, это подняться и сесть на кровати, после чего понял: никуда не пойду.

– Слушай, Вить, давайте сегодня без меня...

– Чего?

– Понимаешь, мне еще вчера нездоровилось, – соврал я. – Надо отлежаться.

– Хрыч старый, – хохотнул Витька. – Ладно, потому свои косточки на печке, а молодежь пошла купаться, день-то какой хороший.

День может быть и хороший, подумал я, когда остался один, да вот ночь у меня была кошмарная: сморщенное лицо Агафьи, рычащие тени, свечение и страх. Такого ужаса я не испытывал в своей жизни. В прошлый раз было то же ощущение, и все же меня потянуло туда снова. Не исключено, что я отправлюсь к этому дому опять. Такое решение будто извне меня, и ручаться за что-то уже не приходится.

На следующий день Витька снова пришел ко мне, но желания куда-то идти у меня не было никакого.

– Мы ведь с тобой как муж с женой, столько лет вместе, – в своей манере произнес мой закадычный друг. – И я нуждаюсь в тебе каждый день. А ты меня кидаешь.

Но все слова были впустую. Я не мог поддержать друзей физически, потому что боль в теле еще не прошла, и морально не мог, потому что не имел желания. В итоге, провалялся

в кровати три дня. Мама предлагала поехать к врачу в областной центр, или хотя бы вызвать местного фельдшера, но я уверил ее, что мне уже намного лучше.

Как оказалось, мое тело исцарапано, а местами расплылись синяки, что от мамы я, конечно же, скрыл. Было больно, но молодой организм взял свое, и после третьего дня мне удалось выйти из дома. Делиться ночным происшествием с кем-либо совсем не хотелось, и я решил действовать по ситуации.

Ребята встретились мне на спортивной площадке, которую соорудили из подручных средств местные бодибилдеры. Витька с Кириллом играли в настольный теннис, а Ефим и Анна сидели неподалеку и о чем-то разговаривали, на что Кир реагировал нерадостно.

Увидев Фиму, мне захотелось провалиться на месте, но ноги сами подвели к парочке.

– Привет, – через силу улыбнулся я, ожидая от внука Подгорной разоблачения. – Как вы тут без меня?

– А как ты там без нас? – тяжело дыша и помахивая ракеткой, отозвался приближающийся к нам Витька. – Признайся, без нас ведь плохо?

– Конечно, плохо, – кивнула Анна, ответив за меня. – Правда, Лёнь?

Улучив момент, Потап подсел к своей пассии и стал понуро смотреть на ракетку.

– Плохо, – шутливо согласился я, украдкой поглядывая

на Ефима.

– Плохо, но твое сердце было с нами! – театрально произнес мой друг.

– Как тебя угораздило так оцарапаться? – удивилась Аня, разглядывая меня, отчего я сконфузился, но быстро нашелся:

– Да курица в ежевике застряла. А потом, не знаю... Что-то съел не то... Поэтому выпал из жизни.

Так мне удалось выйти из позорной ситуации. Еще немного поболтав ни о чем, Виктор, Анна и Кирилл пошли играть в «четыре руки» с соседской девушкой, а мы с Ефимом остались на трибуне.

Какое-то время между нами царило молчание, после чего Фима как бы невзначай оглядел меня и продолжил наблюдать за игрой.

– Как ты себя чувствуешь? – вдруг спросил он.

Вопрос словно зажал меня в тиски, не позволяя среагировать.

– Уже лучше, – тихо ответил я.

– Это хорошо. Береги себя.

Последняя фраза напрягла, но мне не хотелось выдавать своего волнения, пришлось молча кивнуть, продолжая смотреть на игру ребят.

Некая недосказанность с Ефимом повисла на моей шее тяжелым камнем. Не раз я порывался поговорить с ним о том случае, но все время отказывался от этой затеи. Мы про-

должали жить, как прежде: купаться, бродить по лесу, кататься на великах. Но в нашей компании рос еще один напряженный момент: Аня все чаще подсаживалась к Ефиму, все больше общалась с ним, уделяя свое внимание приезжему темноволосому красавцу с задумчивым взглядом. Кирилл выглядел подавленным, и мы опасались, что вскоре назреет скандальная ситуация.

Договорившись однажды печь картошку, мы отправились за село, обошли озеро с другой стороны и расположились на берегу метрах в ста от водоема.

Вечерний воздух был особенно свежим, дымок от тлеющих углей уютно щекотал ноздри, и уже слышалось редкое пение сверчков. Мой закадычный друг, закинув ногу на ногу, деловито перебирал струны гитары и тихо напевал песню, Потап следил за готовностью картошки, спрятанной в горячей золе, а я контролировал горение углей. Анна сидела рядом с Фимой и что-то ему рассказывала, и это, мог поклясться, не нравилось Кириллу.

Сколько помню, Кир всегда торчал возле нашей красивой русоволосой Анюты. И в последнее время она как бы принимала его ухаживания. Не отвергала общества, счастливо улыбалась букетам цветов и вообще, рядом с Потапом как-то расцветала. А теперь все изменилось, взгляд Ани все чаще был направлен на чужого приезжего парня, а Кириллу доставались редкие фразы.

Долгое время после того как Александра Мазурина увез-

ли из дома в наручниках, Аня ходила заплаканная. Она замкнулась, не общалась с нами, подолгу смотрела в одну точку. И только Кирилл Потапов бродил рядом с ней, словно тень. Тоже молча и незаметно. И хотя он был еще ребенком, переживал как взрослый. Так продолжалось долгое время, наши попытки разговорить подружку почти никогда не увенчивались успехом, но Кир продолжал быть рядом с Аней, и позже она мне призналась, что его присутствие очень помогло. Ведь в поселке хоть открыто не обвиняли Александра, но шептались и изредка показывали пальцем. От этого матери Анюты было еще хуже, в их дом часто прибегал фельдшер, помогал предупредить сердечный приступ, и маленькая Аня была напугана вдвойне. Семья Мазуриных чувствовала себя прокаженными, а Кирилл, несмотря на ситуацию, оставался рядом, что разрывало ощущение отверженности.

– Чем займемся, состоятельные кроты? – начал мой друг фразой из известного мультфильма «Дюймовочка». – По-едем картоху! Потап, насыпай.

Кир разложил черные обугленные клубни на импровизированном столе в виде старого деревянного ящика и отряхнул ладони со словами:

– Осторожно, горячая. Кому надо, соль в коробке от спичек.

Витька оглядел трапезу, отставляя гитару в сторону и качая головой:

– Ну, Потап, ну, Сорока, мастера, не иначе! Дамы и кавы-

леры, к столу!

Аня потеряла ладони, выбирая взглядом клубень.

– Анют, давай, почищу тебе, вдруг обожжешься, – предложил Кирилл.

– Не надо, спасибо, – улыбнулась наша дама. – Самой интересное.

– Это же самый кайф! – вскинул руки Витька. – А ты ей этот кайф хочешь сломать.

Конечно, очищать печеный картофель от обугленной кожуры, слегка обжигая пальцы, было здорово. И прав был мой друг: это самое интересное в процессе. Запах костра, угля и горячей разломленной картофелины при вечерней прохладе были незабываемы.

– А помнишь, как мы с тобой познакомились? – вдруг спросил меня Витя, попеременно перекидывая с руки на руку дымящуюся половину картошки. – Помнишь, как я тебя сделал на заплыве в озере? А?

Мне вспомнился тот летний день, когда еще совсем пацанами мы группами болтались у озера, и как-то вышел спор, кто вперед доплывет до ивовой коряги в воде. Так вышло, что в школе, где мы учились, был бассейн на две дорожки. Это большая редкость для сельских школ, но нам повезло. Учитель плавания попался отличный, и с первого класса на уроках физкультуры школьники получали знания по технике плавания.

В тот день мы с Витькой встали в пару и по свисту сосед-

ского пацана бросились к той самой коряге. Сначала я плыл первым, потому что был на год старше и крупнее, а после мои ноги скрутила судорога, но все старания расслабить икры не принесли результат. Витька же, увидев мое замешательство, вчистил к коряге, как турбо ускоритель. И несмотря на то, что он был ростом совсем мал и размах рук имел мелкий, доплыл до пункта назначения, сильно обогнав меня. После этого на берегу мы немного подрались за справедливость первенства, а затем познакомились и подружились. С тех пор и дружим, вроде бы недолго, а кажется, всю жизнь.

– Конечно, помню, – заулыбался я. – Но если бы не судорога...

– Мне было около восьми! – шутливо возмутился мой друг. – А ты почти девятилетний лоб в два раза больше меня – проиграл. Правда, мы еще начистили друг другу физиономии, когда вышли из воды, – добавил Виктор, обращаясь к Ефиму. – Но это еще более скрепило нашу дружбу.

Фима понимающе улыбнулся, глядя на тлеющие угли, и ничего не сказал. Что кроется в его голове? Этот парень отличался от всех нас, казалось, что он какой-то далекий, недостижимый, хоть и находился рядом с нами почти каждый день. Как бы мне хотелось залезть ему в голову и узнать секреты его бабки, понять, видел ли он меня в ту ночь, потому что чем больше я узнавал Ефима, тем больше чувствовал: он прячет какую-то тайну.

– Конечно, так и скрепляют свою дружбу, – усмехнулась

Аня, макая кусок картофелины в коробок с солью. — Как же без мордобоя? Это уже не дружба.

— Много ты понимаешь в мужских отношениях, — отмахнулся Витька. — Это нормально.

— А у тебя есть друзья? — вдруг спросил я Ефима.

— Есть, — спокойно ответил тот, подняв на меня большие глаза, словно два бездонных озера. — Много друзей, они очень хорошие.

— Хороших друзей много не бывает, — скептически заметил Витька. — Хорошие друзья на вес золота, я о тех, с которыми в разведку, ну, ты понимаешь.

— Бывает, — задумчиво улыбнулся Ефим. — И это бесценно.

Тут мне вспомнилось, как в нашей компании появился Кирилл. Пришел-то он не к нам, а за Аней, и на бесконечное изгнание Виктором не отвечал никак. Так продолжалось достаточно долго. Но однажды на очередную браваду неприятия от моего друга, Кир крепко стукнул его в лоб. Витька упал и завалился за куст, после чего в нашей компании воцарился мир.

На самом деле, нам хорошо вместе. Мы друг друга дополняем. Потапов — наша сила, я вроде как отблеск разума, Виктор остроумие и праздник, а Аня наша красота и вообще, украшение мира. Иногда некоторые недоумевали, что нас держит вместе, ведь мы такие разные. И я подумал, быть может, это самое и держит, мы как пазлы одного целого, просто сложились вместе — и картинка целая.

После своеобразного вкусного ужина нам предстояло возвращаться по той же дороге, но там на тропинку свалили спиленные деревья, стояла какая-то техника, собрались люди, и мы решили обойти с другой стороны села. А это как раз через дом Подгорных.

Шагая за огородами вдоль лесной полосы, ребята устало о чем-то болтали, и только я шел в напряжении, почему-то боялся встретиться с Агафьей. В памяти сразу оживились картинки моих ночных визитов, тени, завывания и страх, отчего стало не по себе. И я не сразу заметил, что Анюта плачет.

Дело в том, что наш путь проходил по задним дворам поселения, и один из дворов относился к дому Светланы Ивановой, той несчастной, что оказалась последней жертвой ма-ньяка «цепочника». Дочь Светланы так и не смогла продать дом, изредка приезжала проверить замки, на этом все. А наша Аня, проходя мимо дома погибшей, вспомнила об отце, обо всей этой ситуации и разрыдалась. И я, погруженный в свои неприятные воспоминания, не сразу заметил, что происходит.

— Это не он... Не он... — глухо отзывалась Аня, пряча лицо в ладонях. — Я видела его глаза, это не он...

Кир обнимал свою хрупкую возлюбленную, словно ограждая от невзгод, и что-то шептал ей на ухо. А мы беспомощно брели рядом, не находя слов поддержки.

Когда на нашем пути показался колодец, тот самый, что напротив дома Подгорной, Аня стала жаловаться, что и брас-

лет, как память отца, она не уберегла, а оставила на дне. Кирилл начал чесать макушку, соображая, что придумать в этом случае, как вдруг отозвался Ефим:

– Можно спуститься и поднять браслет.

– Ага, резкий какой, – усмехнулся Витька. – Каким образом?

– Я знаю как. Это просто, – спокойно ответил Фима.

– А вдруг там вода? – не унимался мой друг.

– Вода скорее уже болотная, – добавил Кирилл, – но можно попробовать.

Ефим качнул головой:

– Нет там воды. Давно нет.

– Откуда ты знаешь? – с вызовом кивнул Витька.

– Знаю. Поверьте.

Аня перестала плакать и подняла голову:

– А что для этого надо?

– Просто решиться, – улыбнулся Ефим.

Решение спуститься в колодец сразу поддержал только Кирилл, мы с Витькой поморгали и ответили, что это надо обдумать. Потом Фима остался у колодца, а мы отправились дальше по домам. Я оглянулся пару раз и увидел, как внук Агафьи провожает нас взглядом, после чего он исчез, вероятно, ушел домой.

Спускаться в колодец, прозванный в селе «черным», не очень хотелось. Раньше сельчане слышали оттуда вой, стоны и замечали вспышки света. Некоторые видели какие-то

тени, то ли опускающиеся в колодец, то ли поднимающиеся из него, но люди перестали ходить тем путем, тем более что через дорогу находился дом Агафьи, который тоже обходили стороной. Так и сложилось: в сторону дома Подгорной без надобности не ходить.

Связи у нас не было для такого «путешествия». Телефоны сотовые мы имели, но колодец находился в низине, и соединение срабатывало, если подняться по дороге в поселок. Такая была связь. А мы собирались провести какое-то время в самом жутком месте села. И не просто постоять, а спуститься на дно. Это сумасшествие. Но Ефим отнесся к этой затее легко, более того, уверил, что знает, как. Нам следует хорошо обдумать такой шаг, и хотя это кажется опасным занятием, где-то в глубине моей души родилось желание сделать этот шаг непременно.

Глава 4. В гости к ведьме

В эти дни по селу пошел слух о приезжей компании молодых людей. Такое бывает в наших краях. Откуда ни возьмись, появляется группа со своими взглядами и направлениями, и обычно они преследуют свою цель, которая зависит от многих факторов. Набег на село длится от нескольких часов до нескольких дней, после чего группа уезжает.

На этот раз наши гости были не последовательны, как обычно, а хаотичны, и они искали конкретный дом, в суете времени совершая мелкие хулиганства.

Когда мы решили встретиться с ребятами, я узнал, что наш Кирилл травмирован. Как оказалось, у него выбита челюсть и плечо, а так же растяжение связок ноги. Поспешив к нашему накачанному романтику, я застал у него своих друзей.

Кирилл выглядел, мягко скажем, не очень: отек половины лица, глаз заплыл гематомой, плечо и нога в бинтах. Мы с Витькой очень хотели разузнать, что конкретно произошло, но наш герой был поглощен отношениями между Анной и Ефимом, которые стояли поодаль и живо что-то обсуждали, но неслышно для других.

Спустя некоторое время Кирилл не выдержал и, сильно прихрамывая, подошел к парочке.

– Они тебя не обидели? – обратился он к своей музе, иг-

норируя Фиму и пытаясь разорвать их связь.

Аня отрицательно покачала головой, обхватив себя руками, словно прятала от окружающего мира. Но лица на нашей подружке не было.

Кир незаметно кивнул Ефиму, призывая отойти в сторону, и когда они отошли, состоялся разговор. Все было вполголоса и неразборчиво, но в конце мне удалось кое-что услышать.

– Я не соперник тебе, – сказал Фима. – Просто некоторые вещи еще не открыты.

– Ты не получишь ее, – отрезал Кирилл. – Я ее не отдам.

Ефим выдержал паузу и спокойно ответил:

– Не переживай. Она всегда будет твоей.

Пришлось подойти к Анне и осторожно поинтересоваться, что случилось. Оказалось, те самые приезжие «гости» пристали к Аняте, и это увидел Потапов. Можно представить, что было дальше. Удивило то, что Кир вышел из потасовки почти невредимым, а ведь группа невменяемых могла его просто убить.

Когда отношения были выяснены, мы собрались вместе.

– Что им нужно? – спросил я Кирилла, припоминая, что на моем малом веку уже случались такие визиты. – Они озвучили свои претензии?

– Таким отморозкам оправдания ни к чему, – нервно бросил Потапов, поглядывая на Аню. – А я терпеть не стану.

– Ну, это и ежику известно, – попытался пошутить Вик-

тор. — Уж мы тебя знаем, терминатор. Я вот что подумал, у меня сосед владеет информацией про все и всех в нашем поселке. Не раз проверял. Спрошу-ка его об этих визитерах, может, повезет, и добуду цель их появления.

Вечером, сидя на веранде, я не мог отделаться от образа Ефима. Когда он разговаривал с Аней, выглядел вроде как обычно, но я почувствовал его волнение и напряженность. Не знаю, как, но внутренне ощутил. От этого потянулась цепочка мыслей: почему Фима так запереживал, не за Аню же он волновался. Может быть, он знает этих «гостей», или что-то их связывает?

На следующий день мы встретились с ребятами у Кирилла. Решение спуститься в колодец на время отпало, потому что Кир жестко озвучил свое мнение: за браслетом отправится он. Я понимал, что парень зарабатывает очки перед своей музой, и не стал настаивать на том, что мы с Виктором тоже могли бы помочь. Как сказал потом мне мой друг: «Баба с возу — кобыле легче». Потапов уверил нас, что придет в норму через несколько дней, тогда и отправимся. На том и порешили.

Все бы хорошо, да только у меня не шло на ум ничего, кроме Ефима и его бабки. Если честно, это стало напрягать. Как юноша днем и ночью думает о своей возлюбленной, так я думал о внуче Подгорной и о ней самой. А тут еще Витька со своей информацией от соседа.

Оказалось, наши гастролеры нацелены на дом ведьмы, а

кто у нас таковой зовется? Только она, Агафья. И группа эта не просто хулиганская группировка, а какие-то сатанисты. Я не понял, что это значит, но почувствовал неладное и решил предупредить Ефима, ведь его не было с нами ни вчера, ни сегодня.

Управившись на огороде и выполнив все намеченные мамой дела, я собрался к Подгорным, и меня сразу охватило волнение. Размышления о том, что необходимо пойти к дому на окраине не одно и то же, что пойти в реальности. Я волновался. Наверное, придется стучать в ворота, или кричать в окна, чтобы вызвать Ефима, но воспоминания о последней ночи приводили меня в ступор перед решимостью.

Просидев в своей комнате и протянув время, я все же заставил себя выйти. Уже смеркалось, и ночная прохлада подступала, делая мою прогулку похожей на предыдущие две. Я неторопливо шел по главной и единственной улице села, ежившись и прячась в капюшон спортивной куртки, и желал одного: быстро вызвать Фиму, чтобы предупредить.

Дорога показалась бесконечной. Собаки лаяли в каждом дворе, будто сговорившись, слышалось мычание коров и вообще, было как-то шумно, что совсем несвойственно нашему поселку в это время суток. К тому же, поднялся холодный ветер, и мне пришлось удерживать капюшон рукой. Стало неуютно и захотелось повернуть назад, но пришлось идти, все же больше половины пути пройдено.

Добравшись до дома на окраине, я глубоко вздохнул и бы-

ло уже завернул на тропинку к воротам, как вдруг увидел два мотоцикла, оставленные кое-как прямо у входа во двор Подгорных. Пришлось остановиться, чтобы понять, кто в такое время решил навестить дом ведьмы.

Я медленно подобрался к забору, пытаюсь увидеть что-нибудь нужное, но только услышал шум и неразборчивые выкрики, затем в окнах замелькала тени, обычные человеческие фигуры, что меня очень удивило. Захотелось подойти поближе, может, замечу Ефима и передам ему новость, но вместо этого вдруг раздалось: «Выгребай бабло! Живо!» Потом послышались стуки, грохот и новые вопли. Я ожидал чего угодно: разные видения, звуки и все мистическое, что с таким связано, но только не это.

Что происходит? На Агафью напали бандиты? Какие деньги требуют? И разве у старухи они есть? Может, Ефим связан с этим? Вдруг он привез крупную сумму, а это его старые дружки?

«Шевелись, ведьма! Где прячешь свои доходы? Обираешь людей, да?»

Я был в растерянности. Как поступить? Может, прийти на помощь? А сколько их там? И почему не слышно Ефима?

«Делись давай! Последнее предупреждение!»

После этих слов над крышей дома появилось свечение, раздались какие-то дикие вопли и грохот, после чего с визгом распахнулась скрипучая дверь, и из дома посыпались бегущие парни. Я видел их испуганные лица, застывшие гри-

масы ужаса, и все они двигались в мою сторону, бежали на выход. Мне тут же захотелось опередить их, вчистить что есть силы домой, но ступор не отпускал меня, заставляя смотреть, как куча здоровых парней с выпученными глазами и открытыми ртами практически ломает ветхие ворота и вываливается за их пределы, сминая меня на пути, как бумажный оригами.

Последнее, что я видел, кусок деревянного косяка от ворот у моего лица. После этого наступила темнота.

Какая тишина. Но часы тикают... Кто-то ходит рядом, слышно шаги.

Где я? Что произошло?

Снова темнота.

Шепот прямо надо мной, а чей, не могу понять. Не вижу ничего. В глазах то проясняется, то снова все меркнет. И странный запах... Словно в поле.

Кто-то снова рядом. Лицо склоняется надо мной, и сморщенный рот что-то шепчет. Это Агафья. Я цепенею от ужаса, не в силах двинуться с места. И снова темнота.

Открыв глаза, я приподнял голову и осмотрелся: чей-то дом, занавески на железных кольцах прикрывают выход из комнаты, рядом еще одна кровать с пирамидкой подушек друг на друге, накрытых полотном кружева. Пахнет травой и печкой. Вдруг в проеме занавесок промелькнула сгорбленная фигура. Неторопливо шаркая тапками по полу, в соседней комнате прошла Агафья, она несла в руках темные пу-

зырьки. Меня даже бросило в пот. Как я здесь оказался? Бежать! Немедленно бежать. Иначе до рассвета мое тело будет лежать под землей на окраине леса.

Вязаные из тряпочек дорожки сделали мой побег скользким и опасным, потому что вялые ноги то и дело норовили уехать на этих самодельных ковриках вперед меня. Перебежками, мне удалось покинуть дом на окраине незаметно. Но, быть может, так думалось мне, а ведьма все видела и знала.

Не раздумывая, я выскочил на главную дорогу и помчался прочь, только после вспомнив, зачем приходил. Почему-то память выбросила Ефима из моей головы, а ведь нужно было его предупредить. Хотя я опоздал. Бандиты уже там были.

На середине пути пришлось остановиться, потому что стало плохо. Просто отдышаться. Чувствовал я себя прескверно, жутко болела голова, а ватные ноги отказывались идти. Нужно было заставить себя не смотреть в сторону дома Подгорных, но я не мог. Глаза, как два предателя, возвращали меня в ту тьму, куда уходила дорога. Странные ощущения.

Идти обратно нет смысла. Парни уже покинули дом. Что их так напугало? А может... Нет, так не бывает. Мне подумалось, что все увиденное это происки ведьмы, например, чтобы заполучить меня. Быть может, она знает, когда я прихожу и торчу у ее забора, как дурак. Тогда, возможно, не было тех хулиганов, и криков, и всего остального. А Ефим? Вдруг он тоже страдает от сумасшедшей бабки?

Добравшись наконец до своего дома, я тихо пробрался в

спальню и упал на кровать. Усталость была полнейшая, не только физическая, но и моральная. Я очень хотел осмыслить всю произошедшую ситуацию, но как только накрылся одеялом, закрыл глаза и сразу отключился.

Глава 5. Чертов угол

Мне снова снился сон из детства. Я беру конфеты из руки женщины, на ней темная длинная юбка в мелкий цветочек, женщина гладит меня по голове и уходит за ворота своего дома. Я смотрю ей вслед, и когда она вдруг оборачивается, мы встречаемся взглядами.

Я узнал ее. Это Агафья Подгорная.

Мое пробуждение произошло в каком-то ужасе. Сами воспоминания во сне были спокойными, но при возвращении в реальность пришло осознание, и стало страшно. Почему я вижу этот сон? Почему в моих детских воспоминаниях появляется Агафья? Разве это совпадение? Что может нас связывать? Возможно, я чего-то не знаю. И не очень хочу знать. Потому что быть связанным с местной ведьмой перспектива так себе. Но любопытства ради, конечно, было интересно.

Шли дни. Наш богатырь Потапов заживал, как называл это Витька. В поселке снова стало тихо: «гости» уехали. После случая у Агафьи про них никто не слышал, кто-то видел, как они на своих мотоциклах улепетывали, словно с пожарища. Сельчане с облегчением вздохнули, спокойная жизнь поселка продолжилась.

– Да разве ж это сатанисты, – махнул однажды рукой мой дед Пётр, которого не так давно мама перевезла в наш дом. –

Одна шушера! Бывали эти мудреные сатанисты у нас в деревне, подход у них другой совсем. И сказывать не хочется. А эти... – Дед снова махнул рукой и закашлялся. – Эти простые хулиганы, разъезжают по селам и грабят людей. Легкой наживы ищут. Вот и все.

Дед Пётр – мамин отец, всю жизнь прожил в селе «Лесное», его дом через улицу от нас, и раньше я бегал к нему угощаться раками, которых дед ловил сам. Со временем возраст расставляет все по-своему, и маме пришлось забрать отца к себе, потому что он уже с трудом передвигался.

– Деньги искали у Агафьи, – дед задумчиво покачал головой.

– А у нее они есть? – как бы между делом спросил я.

– А шут ее знает. Может и есть, что с того?

И правда, ведь может старый человек скопить за жизнь денег. И почему кто-то считает, что имеет право вот так войти и забрать все, что есть у другого?

Я задумался, если соседи видели в тот поздний вечер «гостей», бегущих что есть силы от дома Агафьи, значит, мне все это не привиделось. И значит, я действительно лежал на кровати в ее доме. А она шептала надо мной.

Что все это значит? Что она хотела сделать? Ведьма собиралась меня убить в своих целях, или наоборот помогла? Ведь я получил серьезную травму головы от удара тяжелого бруса деревянного косяка. После этого у меня была потеря сознания, но чувствую я себя неплохо. Как много непонят-

ного в отношении Подгорной. Одни почему и зачем.

Тем временем Потап начал выходить на прогулки, и мы встретились на берегу озера. Я снова боялся встречи с Ефимом, потому что мои действия со стороны выглядели странно. Нужно было выбрать тактику поведения, даже если меня разоблачат. Но Фима вел себя не так, как предполагалось. Встретившись со мной взглядом, он отвел глаза и не сказал ни слова. А я растерялся, но решил оставить все, как есть. Честно говоря, у меня внутренности переворачивались при мысли, что придется выяснять отношения с кем-то из Подгорных.

На берегу мы просто болтали, рассказывали последние новости и вообще, отдыхали. Живя в сельской местности, каждый из нас обязательно помогал семье по хозяйству, а в летнее время это было особенно. Поэтому ближе к вечеру мы устало разваливались в кругу друзей и общались, жадно впитывая прохладу под разгоряченную дневным солнцем кожу.

– Ну как ты, альпинист колодезный? Готов к погружению? – в своей манере поинтересовался у Потапова Виктор. – Или еще на больничном?

Кирилл усмехнулся на него, качая головой:

– Наш бог словосложения. Ну, в принципе, готов. А вы со мной?

Витька деловито покачал ногой.

– Обижаешь! Лично я в календаре каждый день крестиком помечаю, все жду, когда же наступит день икс. И вот,

неужели он близок?

– Отстань от него, Симонов, – вмешалась Аня и обратилась к Кириллу: – Ты, правда, готов? Может быть, еще полегчить? Браслет подождет.

Кир обвел свою музу обожающим взглядом:

– А ты?

– И я... подожду, – смущенно моргнула Анюта.

– Глупая, он про армию спрашивает, – приснул со смеха Витька. – Будешь ждать, когда заберут?

Анна строго глянула на нашего юмориста и выдохнула:

– Не твое дело. Надо будет, подожду.

– О-о-о! – вырвался радостный вопль, и Виктор захлопал в ладоши. – Вот это тема!

Я вдруг обернулся к Ефиму с вопросом:

– Как думаешь? Браслет подождет?

Фима на секунду задумался и кивнул с какой-то печалью:

– Теперь да.

Тогда я не понял его ответа, почему теперь и почему Подгорный знает что-то больше. Но по прошествии времени все встало на свои места.

После того, как Кир защитил Аню от приезжих хулиганов, она стала как-то иначе смотреть на своего спасителя. Не так как всегда. И наш романтик воспрял духом, ожидая этого, кажется, всю жизнь. Протянув крупную ладонь к русой копне волос своей возлюбленной, Потапов медленно вытащил сухую веточку и откинул ее в сторону. Но сделал это так

осторожно, будто боялся разбить очень хрупкую вещь. Аня смущенно улыбнулась и опустила глаза. Контакт произошел.

Такую Анну я никогда не видел. Наверное, так рождается влюбленность, может быть не первая, но уже осознанная. В тот момент я подумал, как хорошо, что существуют такие отношения. От них веет жизнью и счастьем.

Настал день икс. Кир практически поправился, не считая синяков, и был готов спускаться в колодец. У его дядьки мы на время попросили старенькое альпинистское снаряжение, взяли фонарики и собрались у озера, как на отправной точке.

– Надо было помолиться на дорожку, – вполголоса бросил Витька, поглядывая на Ефима. – Напротив Подгорные. Черным колодец не просто так обозвали. Все бегут от него, а мы добровольно полезем в его ненасытное горло.

– Можешь постоять у вертушки, – усмехнулся Потапов, проверяя ремни снаряжения. – Потом расскажу тебе, как там интересно.

– Я и так постою, – хмыкнул мой друг. – Че я там не видел, вонь и тьма. Как вообще нас угораздило попасть именно в этот колодец.

Кирилл окинул Витьку взглядом и улыбнулся:

– Расслабь свой нервный комок. Лезу только я. А твое задание не намочить свои модные штаны...

– Ой, ладно, – оборвал его Виктор и закинул рюкзак за спину. – Бесстрашный муж. Пойдем уже.

Мы отправились на окраину села, туда, куда я стал заха-

живать ночами, и куда сельчане предпочитают не ходить.

Там, где кончается поселковая дорога и уходит в поворот к лесу, где густые заросли на разрушенном брошенном доме и пустые сараи, стоит колодец, названный в народе «черным». Колодец этот давно не дает воды, и когда-то в нем творились странные вещи: стоны, вой и исходящий свет. Так было много лет подряд. Теперь там все стихло, но жители поселка по-прежнему не приближаются к колодцу, называя это место «чертов угол», ведь как раз напротив стоит дом Агафьи Подгорной, местной ведьмы, встречи с которой мало кто желает. Так и повелось: на чертов угол ходят только приезжие или сумасшедшие.

К какой категории отнести нас, не знаю, но мы шли как раз в это жуткое место, и хотя собрались группой, внутри пробирала дрожь.

– Фим, надеюсь на твою уверенность, – глянул на Подгорного Кирилл. – Ты сказал, что там...

– Да, – спокойно опередил Ефим. – Я знаю, о чем ты. Все будет хорошо.

Последняя фраза прошла холодком по телу. Уверенность внука Агафьи отдавала странным сумасшествием. Откуда он знает про колодец? Приезжий на каникулы парень уверенно ведет нас, местных, туда, куда бы мы добровольно не пошли. Но почему-то мы доверились ему, что тоже странно.

Еще будучи совсем мелким пацаном, я помню, как сосед-

ские бабки шептались и хватались за голову, когда из колодца очередной раз доносились стоны или еще какая-либо странность. Каждая рассказывала потрясающую разум историю, близкую к современным фильмам ужасов, и это передавалось из уст в уста. Спустя годы колодец «затих», и люди мало-помалу успокоились, но судьбу за хвост не дергали, не ходили в ту сторону. Память о тех жутких временах осталась в устных рассказах, и этого было достаточно.

К колодцу мы шли неторопливо. Мой друг отпуская шуточки, наверное, на нервной почве, Потапов попытался взять Аню за руку, и она не оттолкнула его, вложив свою ладонь в крепкую руку нашего смельчака. Я понуро брел рядом с друзьями, почему-то с замиранием сердца ожидая дом Агафьи и поглядывая на Ефима. Внук Подгорной был спокоен, он вообще всегда казался таким и, являясь нашим одноклассником, выглядел более собранно и мудро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.